

16+

Алексей Суслов

Команданте

Любовные приключения на Кубе

Алексей Суслов Команданте

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64696902

SelfPub; 2021

Аннотация

Это не биография одного из революционеров и не политический боевик со стрельбой и погоней. Это небольшой отрывок из истории двух сердец и мира, как иллюзии, не имеющей отношения к их взаимной любви.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	28
Глава 8	32

Алексей Суслов

Команданте

Глава 1

В пятый раз были вдвоём в Мексике. Первый раз – в мёдовый месяц. Лил дождь в аэропорту, Лулу испугалась за сохранность чемоданов, но попав в мои объятия, снова стала защищённой и тёпленькой. В такси разговаривали с усатым водителем, отцом семерых непоседливых ребятишек. А ещё он наперебой говорил о Че Геваре, Фиделе Кастро, и нашёл путь в гостиницу втроём прошёл на одном дыхании. К революционерам я, как и Лулу, с самого детства относился с глубочайшим уважением. Может, потому что ненавижу капитализм и все его производные.

Подъехали к гостинице, и солнце золотом окрасило всё и вся. Какая чудесная красота, браво Достоевский! Лулу прищурила глазки даже под солнцезащитными очками, которые и не любила, но отчего надела в самом нашем русском аэропорту. Иногда она творила разные странные вещи, но мне всё в ней нравилось и нравится до сих пор. Я сам её выбрал из миллиардов женщин всех рас и национальностей, и грех жаловаться за это чудо природы. Она одна такая. Сладкая,

сладкая. Добрая, добрая.

Закрыв дверь гостиничной комнаты, мы прямо в прихожей стянули с себя всё мокрое и неприятное до одежд прародителей и веселясь, и шутя побежали в душ. Перепробовали точно не одну баночку с баннным шампунем, Лулу стала пахнуть пампасами, а я – Кольдерьерерами. Два счастливых студента, попавших в мир своего детства. Тогда, как и сейчас – «Амиго». Лучшего слова не было и не будет никогда.

Входит в незапертую дверь управляющий этой гостиницы, а мы слушаем «но пасаран», и улыбаемся ему. Дон Луис Эстебас. Очень приятно. Алехандро, Лулу. Чуть за тридцать. Москва. Журнал «Огонёк». Дон Луис жмёт наши лапы со всем уважением. У него в доме до сих пор карта Советского Союза на самом видном месте. Не снимет никто. И у детей его тоже не снимут. А у внуков – и подавно. И Соединенные Штаты тоже будут справедливым и честным обществом. Человечество пробудится к подлинной государственности, по другому нельзя, и баста. Об этом и сам Сан-Хуан проповедовал. Социализм и христианство станут единым фронтом против разграбления наций безнравственным империализмом.

Открываем втроём окна, два, три сразу, одновременно – и душистый июльский вафельно-баннный воздух Мехико вры-

вається в наші лёгкіє, а сонячний світ робить кожную вещь в камнате ісклучітільным прораізведенієм іскуства.

– Крыльа, дайте мне крыльа! – ірчыт па-рызанскі Лулу. Красывая полногрудость робяет ёё ещэ выразітільнее с точки зрэння прысутствуючых рыдам двух мужчына. Я почувствавал лёгкіі укол рывности. Как же ёй шёл к фігура і лічыку лёгкіє сітцевыі халатік, па которым не было нічега, крме бархатной кожі і запаха росы!

Я увожу дона Эстабаса падалыше от этой умопомрачительной красоты. Договарываемся о лекции в Гаванском университете на следующей неделе, встрече с ветеранами Второй мировой, как мексиканцами, так и других государств, и далее, и далее. Надёжный человек. Друзья из Петербурга не обманули. Правильно видит положение стран, не входящих в G7. Голод в Африке, он и будущий голод во всём мире. А зажавшиеся монополисты пируют одним днём, как пировал любой из французских королей. Где они сейчас – эти французские короли? Как и все остальные. Ушли на свалку истории.

– Дон Луис, а вы с нами в Гавану? – с надеждой интересуюсь я.

– Увы и ах, нет возможности, приболел внук, да и сам

неважно чувствую себя в последнее время. Но буду следить за вашей деятельностью по интернету, уважаемый амиго Алехандро, – разъясняет обстановку на ближайшие две недели дон Эстебас, и мы жмём лапы друг друга с ещё большим уважением. Доброе латиноамериканское сердце. Настоящий христианин и революционер. Эта земля достойна таких пылающих чувством справедливости людей с большой буквы. Достойна быть свободной и не угнетаемой никаким алчным супостатом. Viva la Mexico, Viva la Cuba!

Глава 2

Ночью гроыхала природная революция – гроза, от запада и до востока. Лулу даже от страха напрудила в двойную простынь, поэтому интимных игрищ в ближайшие три дня не предвиделось. Неожиданно проснувшись, пришлось завтракать в кафе за два квартала от Лулу. Надеюсь, с ней это не перейдёт в хроническую фазу. А так она добропорядочная, если её дневники не врут. По обеим сторонам сидели барышни, в стиле домино. Одна, та что слева, сосредоточенно грызла карандаш, уставившись огромными глазёнками в плакат с голым мужским торсом, а правая, леворукая, с красивыми жемчужными зубами, очаровательно уминала макароны с сыром. Я ей подмигнул с пиратской ухмылкой, и она с печалью амазонки окинула взглядом свою «подругу». Классная живописная компания, ничего не скажешь. Мечта почившего Фрейда, или разборчивого художника-монументалиста. А для моего аппетита – очень даже ничего. Сразу два окна с грохотом распахнул вновь налетевший ветер. И одновременно влетела Лулу. Бог ты мой, какая «всесокрушающая» ярость пришла вместе с ней! – Вот ты где, змеёныш! Как ты мог бросить меня в такую минуту?! – Пупсик, успокойся, с кем не бывает. – Да он ещё сидит здесь и насмехается надо мной! Официант! Гарсон! – Лу, это не Франция, здесь нет гарсонов... – Замолчи, здесь только я, тебя здесь

нет!!! – Странно, почему я не чувствую никакого запаха... – Девочки! – Ага, вот это уже правильные мысли. Прибегает несчастное от недосыпания юное создание, с фартуком сзади, с глазками дикой напуганной лани подножий Эльбруса. Три татуировочки, хорошее знание испанского отборного мата. Но явно не местная. – Слушаю вас, сеньора. – Водички, и пожалуйста, побыстрее, у меня обезвоживание. Сами понимаете. Девушка стала выглядеть ещё более не в своей тарелке. На Лулу она даже не взглянула, а умчалась на одних цыпочках, молниеносно. Про мой заказ я даже не успел обмолвиться. Но сама эта ситуация меня дико забавляла. Особенно то, что девушка с карандашом и девушка с макаронами вообще никак не отреагировали на весь этот цирк или театр. Может, они завсегдатаи этого кафе, и здесь это в привычке вещей? Так сказать, естественный мексиканский колорит? Лулу, может ты знаешь больше, чем я? – Во сколько твоя лекция? – из-за спины, но точно ко мне обратилась моя подруга. – Ты хочешь там присутствовать? – А что, я уже прокажённая? – Я этого и не говорил. – Но глаза твои сказали. – Моя душа молчит... но: «Благоухающая роза, ты, Кармен. И не найти другую мне взамен. Благоухай, цветы же до конца, Не начинай всё с белого листа». Лу промокнула глазки салфеточкой. Даже сейчас она для меня – Богиня. Ну и что, что как у всех баб, у неё случаются естественные конфузы. Я тоже не святой. Да, с лекцией моей сегодня не получится, но разве это не доказывает, что я плохой лектор и личное

переносу в профессиональные сферы? Пусть так, я с силах видеть свои собственные недостатки, но как их разумно воспринимать в Ней, в Богине моей, если она вся из золота и серебра, а драгоценная как дочь венесуэльского касика, и у неё куча христианских нимбов над головой, а ты вдруг взял и заметил в этой Богине нечто совсем уж земное, чуточку постыдное... Нужно ли обожествлять женщину, вот в чём вопрос. Есть ли такие небеса, которые рушатся на землю? Есть. И благоразумен тот, кто трезво видит всё очевидное и на ладони. – Какая вкусная водичка, дорогой, – как овечка проблеяла раскрасневшаяся Лулу. – Возьми в номер. – Две бутылочки или три? – Бери сколько дадут, мы завтра летим в Гавану. Всё остальное куплю я. С текстом лекции я провозился до самой глубокой ночи. Но это было ни с чём несравнимое удовольствие. Кроме, конечно, Лулу. Она – моё самое несравненное удовольствие. Всё остальное – тишина.

Глава 3

Я один не боюсь летать на железных птицах с двумя крыльями? Лулу в этом – полное подобие моё: в самолёте она буквально растворилась в любопытстве ребёнка, которому всё интересно. Хотя в «земном миру» она была жуткой трусихой, как и подобает истинной леди, которой необходим настоящий джентльмен. Обалденной стройности стюардесса разносила успокаивающие и расслабляющие напитки, и мы их набрали как самые настоящие водохлёбы. Запасы с земли быстро канули в Лету. Лулу жить не может без кофе, он её тонизирует на весь день, тем более ей столько требуется энергии в течение дня, что этот напиток богов я бы сам ей выращивал на собственных ладонях; я же, как истинный испанец, живущим при том в Риме, у которого энергии хоть отбавляй, удовольствовался настоящим душистым чаем с ломтиком лимона и парочкой листиков горной мяты, распространившей альпийский аромат на весь салон аэробуса, что меня несказанно обрадовало, ведь были среди нас, пассажиров, и страхом исполненные девушки совсем юного возраста, и старушки, теребящие рукава и платочки, перебирая в уставшем от жизни уме последние услышанные сплетни со всей округи мексиканской столицы. В Гавану летели и телевизионщики из Перу, и горстка бразильских спортсменов обоих полов, в разноцветных костюмах, на которых я не разобрал ни одно-

го иероглифа. – Александр, а вот скажи: когда ты впервые увидел меня на фото, что ты почувствовал? – Глубину твоей детской души. – Во взгляде? – Во всём что есть ты. Лулу опустила взгляд на мои руки. Я наклонился и поцеловал её в краешек губ. Она пахла ночью нашей первой любви. Я даже я весь ушёл на мгновение в эти запахи воспоминаний. Обладать такой женщиной – чудо из чудес. Поднимаешься на самый горный пик Земли и видишь бескрайний океан. Это невозможно повторить, кроме нас двоих. В этом и есть неповторимость Любви. Нашей Любви. – Увидел, и потерял осознание времени, в котором я пребывал. Видя такую красоту твоей души, невозможно не возблагодарить Творца и родителей такой девушки. – Ты подумал, что я счастливая жена и мать? Испугался, что такая женщина не может быть твоей? – Поняв вечный смысл великого произведения искусства, руки невольно тянутся забрать такой шедевр в свой дом. – Да, но это уже воровство. Я могла принадлежать другому мужчине. – Кто, кроме меня смог бы удовлетворить зов твоего сердца и плоти? – Кто угодно. – То есть, ты хочешь сказать, что я рано раскатал губы? – Я могу быть твоей, только если ежесекундно буду знать, что я желанна и неповторима в своих правах оставаться во всём женщиной. – Упаси Боже меня вникать в женскую философию. Но обычный парень из небольшого городка вряд ли при первом взгляде на такое совершенство будет перебирать в уме названия своих яхт и лимузинов, с помощью которых мог бы сразу уложить эту бо-

гиню на ложе познания греховных удовольствий. – Обладать женщиной – грех? Ты случайно не облатку проглотил, пока я рассматривала адмирала с такой забавной привычкой подмигивать мне каждый раз, когда трясёт самолёт? – Он заигрывает с тобой? Я начинаю тебя ревновать. – Я не твоя собственность, но ты возделыватель самого чудесного из земных садов. Только не забывай ухаживать за цветами, иначе они завянут от равнодушия и тоски. – Твой сад в надёжных руках. – Самовлюблённый мальчишка, вот ты кто. – Отнюдь. Я знал, какую ответственность на себя возлагаю. – Адмирал так не считает. – Тогда я затоплю всю его эскадру и он капитулирует со всем позором прямо под твоим сочувствующим взглядом. – С какой стати я буду сочувствовать какому-то постороннему мужлану, разглядевшему во мне кобылку, которую он хотел бы объездить ближайшим уикендом. Пусть помечтает, сегодня я не так кровожадна, как мне бы хотелось. Как наивны некоторые особи мужского пола, нацепившие на себя государственные регалии! Прямо рыцари без страха и упрёка, считающие, что брэнчание их доспех вводит дам в любовный ступор. Смехота. – С каких пор ты стала размышлять над судьбами адмиралов? – Ты же знаешь, что я нахожу образы для своих книг везде, где есть моё любопытство. – Мне тоже начать утолять своё любопытство прямо здесь и при тебе? – Не заводись. Ты бросил меня одну в гостинице совсем неизвестного города, и я, проснувшись, да ещё в таком стрессе по поводу сам знаешь чего... – Это

женское, и я это понимаю, и принимаю, как твой мужчина. – Поверь, мне нелегко было осознать, что ты способен на такое... – Я не способен на такое, Лулу! Я люблю тебя. – Но эта твоя трусость... бегство... – Я поддался эмоциям. – Александро, ты – не женщина, женщина – это я! – Ты напрудила в постель, детка. – Ну и что? – Скажи это вон тому самому адмиралу. Он от души повеселится. – Ты отстранён от моего тела на две..., нет... месяц. И не бегай за мной и не вздумай даже прикасаться. Я найду способ утолить свою жажду настоящим мужчиной, который не бросит свою даму в беде. – Например? – Женская фантазия безгранична. Как и мужская глупость. – Первым твоим мужчиной был и останусь я. – Даже не надейся, предатель. Теперь твоё совершенное произведение искусства принадлежит Вселенной! На месяц, а там всё зависит от тебя самого и твоего умения залечивать женские раны. Господин адмирал, позвольте спросить, а что известно о судьбе командора Нельсона? Так его и не простила леди Гамильтон? Простила, говорите. Вот дура.

Глава 4

Столица Кубы нас не впечатлила. Может это и экзотика, но моя Испания, родная мать, и Италия, моя мачеха, и Россия, моя учительница, намного были ближе для моих эстетических вкусов, чем это кладбище нереализованных мечт. Горько и больно смотреть на то, чего не получилось. Кто может построить на земле рай, если под боком так много денег и свободы? Но Гавана – это тоже пища для ума. Лулу это сказала. Её отец однажды попросил её изобразить цветными карандашами идеальный мир. Шмыгающая носом девочка изобразила круг безупречной формы, а в центре круга – серп и молот. Усталый от тяжёлой 10-часовой работы мужчина погладил ребёнка по мягким и пушистым волосам, и счастливый, отправился на кухню, чтобы выпить стакан чистой воды, как он делал всегда перед сном. Мать в это время смотрела погоду на завтра, распределяя в уме, куда и сколько потратить сил на своём подсобном хозяйстве. И имя Лулу дал отец. И кто я такой, чтобы с такой красавицей не послужить самой справедливой революции на свете? Миру нужны перемены, а перемены не рождаются в спальнях и душевых кабинках. Как бы вы не хотели жить тихо и смиренно, не изменяя мир вместе с собой, вы угрожаете миру задохнуться в его собственных отходах жизнедеятельности. И без деятельности по очищению планеты от: жадности скупости ту-

пости лени разнузданности пошлости [вы рискуете стать женой Лота]. Библии я давно не доверял. Как только появились первые мозоли. Бог для меня не рождался, и не умирал. Бог был до меня и будет после. Бог и смерть – вещи несовместимые, иначе все наши труды были бы той самой мастурбацией, о которой не принято говорить, но которая рождается с нами и умирает. Бог – это экстаз, Бог – это что-то такое в нас, что сподвигает нас на всё новые попытки улучшить свою жизнь и тем более – жизнь других. Здесь, на Кубинской земле, я должен дать людям веру в себя и свои возможности. Вечером они не включают телевизор, а найдут в семейной библиотеке томик Маяковского или Хемингуэя, запасутся ладно пишущей ручкой и появившимся после дня рождения блокнотом, и начнут строить свой мир, ещё призрачный и далёкий, и нуждающийся в кропотливых доработках, но это будет уже жизнеспособный вектор в направлении сделать себя частью идущего к лучшему мира. Лулу оставила меня один на один с душой Гаваны. Я одел лучший костюм, лучшую шляпу и отправился в парк, чтобы дополнить три листа своих тезисов. Там меня уже ждал Сергей Иванович, тоже политический философ, знаток русского казачества и почерка Гарибальди. Он воспитывался в ленинградском детском доме, закончил институт иностранных языков – испанский и португальский, возрос до подполковника Комитета государственной безопасности, развал СССР встретил на этой, далёкой от агонии собственной Родины, латиноамериканской

земле, где верили, что будут силы и будут смельчаки, достойные вернуть социалистическим идеалам новую жизнь. Сергей Иванович был одет неброско, хотя обычно русские мужчины предпочитают носить куда более безликую одежду. Но его украшала военная выправка и острый и пронизывающий знаниями психологического анализа взгляд. Реалистичный мудрец. Чтобы жить, надо действовать. Чтобы достойно умереть на земле, надо не возноситься высоко в небо, ибо всё есть здесь, возле тебя и внутри тебя самого, так возьми и действуй. – Как летелось, друг Алехандро? – Мы пожали друг другу руки и уселись на лавочку, предварительно убрав с оной кем-то забытые косметические принадлежности. – Отлично. Жена развлекала меня рассказами о детстве. Любит, знаете ли, упрекнуть меня в том, что я так и не повзрослел. Сергей Иванович усмехнулся в усы и по-приятельски толкнул меня в плечо. – Ищите в женщине загадку, но никогда не ищите весь ответ на неё, иначе потеряете дамское доверие. Любой из них хочется быть независимой наполовину. Тем более, от наших политических действий. – Голос подполковника напоминал шум осеннего ручья, вобравшего в себя за тёплое время года все прелести задумчивости и веселья. – Лулу способна заменить меня во всём, кроме деторождения, – без всякой иронии и без всякого излишества души возразил я этому очень достойному собеседнику, чьи книги я любил и уважал, но чьи взгляды на семейные отношения я подвергал суровой критике. Когда-нибудь

этот русский отставник всё же откроет двери Загса и оставит там память о своих любовных отношениях. Зоя Тимофеев на весьма достойна этого торжества. Мы обсудили смену власти в Австралии, я поделился мыслями о судьбе Музея Русской Истории в Софии, где я был почётным членом попечительского совета, а Сергей Иванович дал пару советов, как прибавить к судьбе этого музея ещё большего внимания со стороны западных пацифистских сил. – Алехандро, но вы-то сами верите, что есть будущее у нашей новорождённой России? – Будет трудное детство у этого ребёнка, но трудности только закаляют характер. – Вы готовы быть заботливым взрослым, чтобы не дать в обиду это благодатное дитя? – Это мой долг. Лулу постоянно просит меня помочь своими знаниями именно вашей стране. Кое-какие чертежи и сметы я захватил уже сегодня. Это несомненно грозное оружие. Оно будет в надёжных руках, как я понимаю? – Вакханалия безвластия у нас канула в прошлое, настало время дать России заговорить и быть на равных с другими дитятами. Песочница-то общая, но большинство так и норовит в нас швырнуть песочное, да в прямо в оба глаза. – Вы гарантируете нашу с Лулу безопасность? – Как свою собственную, дружище. Об этом даже не думайте. Мы друзей не бросаем на произвол судьбы. Передавайте жене привет, а я пойду изучать ваши работы. Завтра встретимся, но уже в другом месте. Вам позвонят. Было приятно познакомиться с вами, Алехандро. Всё лучшее только начинается.

Глава 5

Меня слушает огромная аудитория Гаванского университета. Мой триумф. Бабушка, гордись мной. Спасибо, Куба, спасибо за надежду. У всех нас непременно получится. Мир уже скоро начнёт меняться, люди станут с уважением и непритворной симпатией относиться к каждому, кто встретится ему на пути. Дружба придёт в изнурённое прошлым будущее. Ленин на стенах Гаваны улыбнётся, как никогда не улыбался, монастырь Санта-Клара воспоёт своим лучшим голосом, а собор Непорочного Зачатия даст людям новых людей. Без всяких грехов и изъянов. Спасибо, Бог! Передо мной 23 листа убористого почерка, мои неразборчивые каракули. Я учёный, больше 50 архивов были моими кузницами научных открытий, но здесь я волнуюсь. Это нечто похожее на первые ласки с Лулу. Я провожу обеими руками вдоль её тела, она чуть наклоняется вперёд, я поднимаю свои горячие ладони к её груди, слегка прислоняюсь к ней, я чувствую её токи, и даже сердечко её начинает мне салютовать. И вот то же самое, в Гаване, перед этими очкариками и дальнотзорными профессорами в наскоро отутюженных пиджаках. Они смотрят на меня как на Христа. Стоп. Я начинаю сбиваться, дорогие аплодирующие. Мне нужна лёгкость. Лёгкость Лулу. Я вижу пятно под ней, а она спит как ребёнок. Я не верю в это пятно, я его выдумал. Лулу само совершенство, её

страсть похожа на свет июльской луны над пшеничным полем. Я не вижу никого перед собой, и голос мой порхает стрекозой в этих достопочтенных стенах кладезя знаний, замершего перед рывком справедливого социализма. «Наша планета нуждается в тишине ядерных конструкций. Зло неспособно успокоить человечество. Есть волны доброй силы, мы их нашли. Господа завсегдатаи слушаний по стратегическим и наступательным вооружениям, мы говорим вам: довольно, займитесь чем-нибудь другим, уберите руки от опасности для всех. Дети не должны плакать, видя репортажи, где плачут такие же крохи, как и они. Детям всё равно, где вы будете дальше зарабатывать свои денежки, но дайте нашим детям наконец бесстрашие перед грядущим». Одной из студенток становится плохо и она красиво падает в объятия своего довольного друга. Снова аплодируют так, что я моргаю как в детстве, на новогоднем утреннике. Я вижу Лулу, она улыбается на своей кухне, в нашей Барселоне. Звучит воркующая гитара, а за окном – ламбада, ламбада, вечная ламбада. Товарищи учёные, а не устроить ли нам карнавал в честь III Интернационала? Сергей Иванович, дружище, запускайте установку Доброго Луча, мы все хотим перемен, усталость невероятная от кровожадного капитализма, нам ещё Мадагаскар спасать, женщин Европы научить жить по средствам, а не по кредитной карте своих любовников, надо вернуть моду на скромность и девственность, порядочность и уважение к старшим, вернуть настоящее детство, убрать лишние

плакаты, запретить рекламу и разврат, объявить духовную скупость вне закона, дать каждому жаждущему и алкающему любимую книгу, две, десяток, сотню; пусть лучше книга лишит сна, чем выкачает мозг маниакальными сценами проституции и реалити-шоу выгребных ям. Я освобождаю горло от тесноты плотной рубашки. Альпинист, забравшийся на вершину своих мечтаний. Скоро вы услышите невероятное. Нет, птицы и звери не заговорят на человеческом языке. Материки тоже не придут в движение, облака не побегут вспять, как и реки, и ручьи, и канализационные потоки. Но мир удивится. Мы все удивимся, даже я, один из сопричастных к этим чудесным преобразованиям. Телесериалы начнут терять публику, тинэйджеры поубавят инстаграмную прыть, в моду войдут лингвистика и поэзия, библиотеки увидят очереди, больницы вздохнут с облегчением и добавят палаты в роддома, души индейцев сабонеи и тоино обретут вторую жизнь и сам Команданте Че Гевара наконец-то возрадуются победе, которую у него хотели украсть.

Глава 6

У Лулу бывают озарения. Вообще, она девочка чувствительная к своим партнёрам, коих у неё было хоть отбавляй. Был даже араб, отчаянный парнишка, пытавшийся её понять ускоренными методами, но Лулу скорее выбросит пищу в ведро для отходов, чем даст прямо таки сразу кормить себя с руки. А араб ей нравился, говорило культуре и неотразимости определённого типа женщин, внешне пугливых и скромных, но внутри содержащих настоящий везувий. Говорят, они целовались сладко и утончённо, вернее, она давала себя целовать, и кое-где, робко и со страхом выказывала инициативу, два шага вперёд – полтора назад. А вдруг он не тот, кто мне нужен? Грызла душу Лулу. То же самое и со мной. Лулу моя слабость, но арабскими сказками я «переболел» ещё в детстве. Девушки до Лулу направляли свою инициативу на меня, Лулу пошла по тому же следу. Это повод держать её на расстоянии. Прости, Лулу. Гуляя по Гаване, я с нетерпением ждал, когда Лулу пойдёт поглазеть на ту или иную вещь. Я одиночка и мне иногда требуется свобода. Это не значит, что я отбрасываю её и покрываюсь эгоизмом и самолюбованием. Нет, мне просто надо привести мысли в порядок. Кто я и зачем здесь. Что завтра будет со мной. Какое ещё открытие предстоит сделать мне и достоин ли я новых озарений. Это слабость творческой природы. Я никогда не со-

лююсь с Лулу в тандеме Сатурн-Ию; у меня нет железобетонной очевидности, что поведу Лулу под венец; наука и любовь – Лулу, перестань, слишком поверхностна, чтобы знать всё о мужчинах, при чём таких, как я. Что ты знаешь об измене и способах её совершить. Ты прекрасна и неотразима, но ещё один повод задуматься. Позвонил дон Эстебас. Говорит, открыл утреннюю газету, а там моя морда во всём апофеозе ментора. Говорит, даже пепел уронил на брюки и получил хорошую взбучку от жены. Говорит, весь мир обсуждает, о чём это вещал этот итальяшка с испанскими корнями волос. Мир изменится? Он в своём уме? Кто способен изменить ми? Супер компьютер? Распылитель запаха счастья? Всемирный валютный фонд? Президент США или генеральный секретарь ООН? Римский Понтифик? Женщина, родившая в 72? Горлопан, вот он кто, этот Алехандро Ньяти. Говорят, он помешан на ай-ти, да так даже, что его подруга не знает, когда он спит. – Что скажите, мой дорогой друг? – воткнул в себя флешку Дон Эстебас, в надежде скачать с меня все эмоции оплётанного гения. Я задумался. Человечество любит гадать на кофейной гуще. Руки людей всегда во сне сжаты в кулаки. При солнечном свете эти кулаки иногда разжимаются, но не надолго. Я же предлагаю каждому крылья к этим рукам. Забудьте, что вы можете рвать ногти об бетонную стену лжи и пропаганды насилия, я предлагаю вам, мои дорогие и любимые человеки, библейский код мира, чего вы так морщите свои напряжённые лбы? Я смутьян,

так по вашему? И перед вами не нужно метать бисер? Тогда вы погибнет в собственной западне. Моя компьютерная программа тогда вернётся к Богу, раз вам лучше держаться болота, чем вырастить на том месте оазис? Я не предлагаю вам рай, я предлагаю вам стать самими собой. Я разработывал свои инновацию целых 8 лет, я снял с себя невероятное количество заблуждений и ложных догм, я забывал приносить удовлетворение своей подруге сердца, а вы выставили мне свой счёт кретинизма? Но ведь отступать уже поздно, и если мы не закроем себя цифровыми вирусами иммунитета против оголтелого потребительства и накопительства, природные вирусы, неподвластные нам, просто-напросто безжалостно уничтожат нас как биологический вид, представляющий опасность для планеты. Лулу выходит из ванной в чём мать родила. Улыбается. Соски торчат как пузырь на презервативе, гладкий лобок манит и влечёт. Я наскоро прощаюсь с доном Эстебасом и приглашаю её на колени ко мне. Она уходит на кухню, издевательски виляя бёдрами. Слышит вздох холодильника, вот льётся вода или молоко, включается музыка на полную мощь, Лулу начинает танцевать. А может отвести её под венец? Ну чего в ней для меня ещё не хватает? Не хватает изъянов во внешности и уме? Её походка здоровой и доброй крестьянки сводит меня с ума. К тому же она правоверная католичка. В Риме мы за неделю посещали 3-4 собора в неделю, и везде Лулу была красива в духовном облике верной и покладистой женщины. Что во мне с ней не

так? Опасение, что а вдруг она решит проверить мою ревность таким способом, что мне придётся разорвать свою душу в клочья? На расстоянии друг от друга такое невозможно. Как писал великий русский поэт – «лицом к лицу лица не увидеть. Большое видится на расстоянии». Лулу, ты достойна свадебной мессы, но я воздержусь. Но ты не плач, всё невозможное возможно. Я стучу по клавиатуре старенького компьютера, предоставленного мне любезным кубинским правительством без условий и оговорок. Стучу как пианист. Труссы прилипли к коже вращающего кресла, в животе – голод, в голове – моя программа для спасения человечества. Не возомнил ли я себя новым Иисусом Христом? Вы говорите невероятную чепуху! Алехандро знает себя, он не маниакальный сумасшедший, одевший на себя личину жаждателя абсолютного внимания к своей персоне. Он учёный, он христианин, он – поборник справедливости и духовности, он не против Господа, он с Ним и с Его детьми. Алехандро только лишь предлагает каждому забыть об этом неудачном устройстве мира и начать строить новый. На библейских началах, как это сделал Ной и его семья. Каждому будет как награда новый ковчег. Пусть он от искусственного интеллекта, но ведь ИИ – это тоже Божье благо в умелых и разумных руках. Будущее в наших руках. Кого вести к венчальной мессе – всё так же в наших руках. Дети, образ жизни. Глубина неба и океана. Толщина и высь дерева. Грёзы. – Милый, ты будешь салат из... – интересуется Лулу под музыку каких-то

ритмичных молодых голосов. – Я ещё полчаса занят. К тому же, ты знаешь, что у меня на сельдерея аллергия. – Но у меня нет сельдерея. – Зато у тебя есть способ убить мою мысль. – Опять спасаешь мир? А как же я? – С тобой всё в порядке. – Я так не считаю. Ты изменился. – Я выполняю свою работу. – В этой работе, я так поняла, мне места нет? – Отнюдь. Ты ошибаешься. – Я не ошибаюсь, я это вижу и ощущению кожей. Зачем тебе весь мир, когда есть я? – Мечта детства. – Но ты уже взрослый, какие могут быть детские мечты. Ты даже не спрашиваешь, хочу ли я ребёнка от тебя. Я словно манекен, которого достаточно одеть и иметь подле себя для эффекта посторонних глаз. – Ты описалась. Я не могу это забыть, никак не могу. – Чокнутый дурак, ты до конца моих дней будешь мне напоминать об этом?! Или то что я целовалась, когда ты протирал штаны в своей долбаной библиотеке при церкви святого Августина? «Встань и иди»! Это я тебе говорю, я, женщина, с которой ты спишь! – Ты сбиваешь меня с программирования, дорогая. – Тогда я приду и разнесу этот твой ИИ к чёртовой матери! Никто ещё так не выводил меня из себя, как ты, самовлюблённый идиот! Никто! – Мы станем известными, поэтому не зазнавайся. И хватит кричать на меня, я на работе. – Гренки с сельдереем будешь? Я могу сходить на рынок и купить. – Я последний раз ел сельдерея накануне вступительных экзамен, которые поэтому успешно провалил. – Отлично, Алехандро, просто отлично! Береги себя, ты же гениальный из гениальных! Да

как только твоя мамочка справлялась с тобой! Да от стручка перца чили слаще, чем от тебя! – Не переходи на личности, иначе я перееду в другие апартаменты. – Тебе их никто не даст, здесь не Рим и не Мадрид. – Это ты так считаешь, а я считаю по-другому. – Иди, я приготовила твои любимые спагетти. Спасение мира подождёт, когда тебя зовёт та, что выбрала тебя из толпы возмущённых поклонников. И для чего я только это сделала, сама не знаю? Ты неисправим.

Глава 7

Наступила суббота. Лулу выкрасила волосы в слегка розовый цвет, я просто сошёл с ума, настолько она была притягательна. А ещё этот французский пеньюар с волшебным оттенком весеннего леса! Мастерница. Чтобы бы я делал, если б не было тебя? Твои глаза покорили моё сердце. Мысли твои сочетаются с моими как два любовника, мир которых – тишина прибое, тихое пение птиц, падающие звёзды. С тобой одной я готов отправиться на край света, на самый необитаемый остров, от всех городов и ежедневных журналов, в бескрайние дали, в грёзы поэтов и художников, в рай для двоих. Лулу ждала когда выйдет в свет моё открытие. Давно мы с ней заметили, что парочка соглядатаев присматривают за нами. Это естественно, тем более мы иностранцы. На наше состояние это никак не влияло, мы чувствовали себя как дома – на свой лужайке, шурясь от божественно яркого солнца. Когда в сердце любовь и взаимность, в тебе всё в радости. Тем более как долго мы шли друг другу. Даже больше, чем я сделал шагов в изучении самых диких страхов нашего мира. До встречи с Лулу я шёл в своих научных изысканиях с закрытыми глазами, а потом она всё поставила на свои места. Я стал самым собой и ничто уже не отвлекало меня от желания дать миру лекарство от уродства глобализации. За два года я выстроил целую систему нейро-визуализации,

главной целью которой было – вернуть человеку время. Время быть с собой и своими детьми, с родителями и самыми верными друзьями. Итак, что же это за открытие. Все мы состоим из своих и чужих мыслей. Иногда мысли в нас перемешиваются, мы ведь живём в социуме, и каким бы ты ни был нелюдимым затворником, тебя всегда будет тянуть произнести хотя бы пару слов любому из разумных существ. Без общения человек сходит с ума. Даже святые, уходя от мира, настолько вживались с Богом, что это было как если дочь б разговаривала с матерью, а муж – с женой. Представьте, а если человек не верит в Бога? Тогда он и сходит с ума. Так устроены мы все, без исключения. Нас тянет общаться, любить, заводить семьи и воспитывать детей. Влечёт к добру и свету. Сопротивляться или дарить этот свет другим – личный выбор каждого. Сопротивление только углубляет страхи. Алкоголь, наркотики, беспорядочный и распутный секс – заменители божественного, дурман, заглушающий зов души. Лулу включает ЖК-панель на стене и динамичная дикторша вещает последние известия. В Нанте жители города без всяких организованных мероприятий вышли на очистку города от вросшего в землю мусора. Лица горожан выражали удовлетворение от своих трудов. Мэр Нанта назвал этот гражданский поступок чудом. Он сам лично присоединился к этому чуду и никогда в жизни не был так доволен самим собой. Лулу гладит меня по голове, за ушками. От неё исходит такое женское тепло, что захотелось продолжить

наши ночные утехы. Но для этого нужна полнейшая тишина, любовь любит тишину, лишь только страсти позволено биениями сердец сопровождать пляску двух нагих тел, готовых окрасить все Вселенные чистейшей божественной энергией ОН-ОНА. Лулу, выключи все новости на свете! Но Лулу не слышит меня. И опять та же самая вкрадчивая дикторша с поворотливым язычком продолжает нас удивлять. Настала очередь Венеции принимать чудо. Водная стихия запела многими тысячами чаек и альбатросов. Никогда столько их не было, говорят в унисон венецианцы. А что произошло? Интересуется у журналиста та самая дикторша. Парень недоумённо разводит руками. Сам в шоке. Старожилы тоже такого не помнят. Может, пресловутое потепление климата? Или какой-то таинственный заклинатель захотел побороться со стихий природы? Дикторша делает два неловких глоточка из жёлтой чашечки с чаем. Ей эти чудеса так себе, чего только не слышала и не видела она в своей стремительной карьере, но что-то и её пробивает насквозь. Тем более она не на Кубе родилась и выросла. Может, русская, может, белоруска, но тема моря ей близка. Она ещё что-то хочет спросить, но связь с корреспондентом внезапно прерывается по техническим причинам. Мы с Лулу целуемся как два голубя. Я подхватываю её как пушинку и несу в постель. Она шутливо отбивается, визжит как девчонка. Как она прекрасна сейчас, Боже ты мой! А потом мы пойдём в Музей Революции. Там нас будет ждать ещё один Сергей Иванович. Для уточнения

некоторых деталей моей нейро-программы. Без казусов не бывает, это знает и Лулу, и знает даже намного глубже, чем я. Мои мысли всегда направлены в одном направлении, но её голова – настоящая фабрика мыслей и идей. Женщина, настоящая женщина.

Глава 8

Мы с Лулу – равноправные партнёры. Идеальное сочетание минусов и плюсов. Хотя, конечно, в этом мире не всё так ровно и гладко, как хотелось бы самым отважным мечтателям. Но мир двоих, страсти в постели и творческие эклибрисы – если он располагает к полному доверию и исчезновению всех страхов – то это лучшее, что может спасти нас от факта оказаться в людском море, в шаге от пропасти. Я никогда не отпущу твою руку, Лулу, ты моё сердце, ты моя душа. Мы песня в унисон, мы одно дыхание на двоих, все твои движения тела во мне отзываются несказанным сладострастием. Мой Божий подарок, принесший в мой мир божественные воспоминания о двух телах в одном, когда каждый может дать мощные движения страсти во всём теле, когда не нужно думать, что этот любимый человек может тебя променять на кого угодно. Единое не делится на многое, оно постигает самое себя в двух телах с едиными желаниями. Во взаимном уважении, нежности, ласке, заботе, полёте в ночном небе, рука в руке. – Зай, ты сегодня выглядишь немного устало. – Лу, ты тоже. Может будем просто наслаждаться друг другом, не думая ни о чём? Я видел сегодня, как ты стояла у окна ночью и плакала. Так нельзя, ты женщина, ты создана для радости. Думай так, что ты ждёшь ребёнка. Разве можно тогда изводить себя слезами печали? –

Алек, это не страх, а муки творческой природы. Как и у тебя, у меня бывают перепады настроения, и часто это – когда я замечаю, что ты уделяешь мне недостаточное внимание. Хотя, я сама знаю, что это не так, что всё твоё внимание сосредоточенно на мне. Но это лишь ревнивый голос моей женской природы. Мне самой приятно осознавать, насколько я глубока и непознаваема для тебя. Прямо голова кружится, как ты предан мне. Мы позавтракали, помыли посуду, навели порядок в комнате и пошли гулять по утренней Гаване. Стояла чудесная погода, вдали гудел военный корабль, минуту спустя девственное небо раскрасил белым самолёт. Автомобили старых советских моделей придавали всему этому особую пикантность и послевкусие прошлых воспоминаний. Вновь нам встретился Сергей Иванович. Он был не брит, глаза впали, руки нервно теребили какую-то папочку. Поздоровались. На Лулу он даже не взглянул. – Алехандро, амиго, а вы обманщик. Я никак не отреагировал на подобный блеф. Этот нервный служилый начинал вызывать отвращение. Он чего-то сильно боялся. Настолько сильно, что потерял связь с реальностью и живыми людьми. Интересно, этот русский понимает где он находится и для чего? – Сергей, что сподвигнуло вас так подумать? – Тогда, что ваша программа начала сдавать свои поступательные позиции. Понимаете, о чём я пытаюсь я вам сказать? – Я так понимаю, что-то вас сломало? Лицо Сергея Ивановича приобрело окраску спелого томата. К слову, здешний материк – их родина происхожде-

ния. Смехота. – Да нет, мой дорогой друг, это не я сломался, а пришла в негодность ваша идея изменить мир. Люди перестают воспринимать ваши революционные в кавычках потоки энергии. Да, они всё ещё в некотором количестве заражаются радостью и желанием забыть всё плохое, что было с ними, но, большое «но», прямо неприлично большое – ваша программа замедлилась в самой себе. Она затаилась, она в великих раздумьях. – Всё верно, Сергей Иванович, она построена на человеческом сознании, а кому из людей хочется всегда и непрерывно радоваться и веселиться. В чём радость, если она – единственная, что только дано человеку? В чём тогда её ценность и величие? – Однако мы рассчитывали на совсем другое. – На рай на земле? – Я не верю в Бога. – А зря. – Что вы имеете ввиду? – Только то, что мир должен состоять из белого и чёрного, и даже в большинстве своём – из серого, иначе всё драгоценно окаменеет и превратится в идеальное сокровище, не доступное никому. – Тогда зачем вы обещали обратное? – Что вы имеете ввиду? – То, что уже не будет власти денег и безудержной глобализации. Что мир освободится от оков пропаганды и Уолл-Стрита. – Сергей Иванович, кто я такой, чтобы ластиком стирать весь мир? Побойтесь богов, вы безумец, и все те – кто желает то, о чём вы говорите здесь нам с Лулу. – Тогда убирайтесь вон из этого острова и из этого города, мошенник! Вы одурачили всех и вся, а сейчас стоите здесь и нагло смотрите на меня, когда на моём лице нет ни покоя, ни единого слова в ва-

ше оправдание! Мы впустую потратили на вас драгоценное время! – Я учёный, но не Бог. Абсолютное добро противопоставлено этому миру. Кто тогда скажет, что такое счастье? Кто после слёз улыбнётся? Кто после прощания с близким – увидит новую жизнь и порадует её? – Алехандро, амиго, миру необходимо... – Офицер, мир развивается по своим законам. По своим уникальным законам действия и противодействия, страха и блаженства, минуса и плюса. Единственное, что в наших силах – это улучшать его в нас самих, и тогда мир станет на капельку лучше и чище. А искусственно вмешиваться в головы, не в наши головы, то это не иначе как садизм и уродство. – Значит, всё кто творят революции – уроды? – Не мне вам говорить об этом, Сергей Иванович. Вам виднее. Я не хочу рушить ваши иллюзии. – Прощайте, Алехандро. Нам не о чем больше говорить. – Я рад этому. Пойдём, Лулу, мир не так плох, как это кажется некоторым. Мы шли по улице, между тротуаром и дорогой, и этот промежуточный отрезок ничуть нас не смущал. Всегда можно выйти на тротуар, где много разных лиц. Всегда можно выйти даже на дорогу, чтобы пощекотать свои нервишки, услышать вопль клаксонов и скрипа тормозов. Без разницы, где идти и куда, если мы вдвоём и мы знаем что такое любовь и для чего мы нужны друг другу.